

ISBN 978-5-98287-205-0



9 785982 872050 >

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ / BETWEEN EAST AND WEST

МЕЖДУ ВОСТОКОМ
И ЗАПАДОМ
СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ, ЕГО ЭПОХА
И ОБРАЗ В ИСКУССТВЕ

BETWEEN EAST
AND WEST
SAINT ALEXANDER
NEVSKY, HIS TIME
AND IMAGE IN ART



ГИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЗНАНИЯ



МА ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ
СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
имени Михаила Абрамова

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
МОСКВА
15–18 СЕНТЯБРЯ
2021 ГОДА

COLLECTED PAPERS
OF INTERNATIONAL
SCIENTIFIC
CONFERENCE
MOSCOW
SEPTEMBER 15–18
2021

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

**МЕЖДУ ВОСТОКОМ
И ЗАПАДОМ
СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ, ЕГО ЭПОХА
И ОБРАЗ В ИСКУССТВЕ**

Сборник статей по материалам
международной научной конференции
Москва, 15–18 сентября 2021 года

МОСКВА
2023

THE STATE INSTITUTE FOR ART STUDIES
THE CENTRAL ANDREY RUBLEV MUSEUM
OF ANCIENT RUSSIAN CULTURE AND ART

**BETWEEN EAST
AND WEST
SAINT ALEXANDER
NEVSKY, HIS TIME
AND IMAGE IN ART**

Collected Papers
of International Scientific Conference
Moscow, September 15–18, 2021

MOSCOW
2023

УДК 7.033, 7.)35

ББК 85.101

М43

Печатается по решению
Ученого совета Государственного
института искусствознания
и Ученого совета Центрального музея
древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублева

При финансовой поддержке
Общества содействия сохранению
и популяризации русской культуры
имени Михаила Абрамова

Редколлегия:

А.В. Захарова, Л.И. Лифшиц,
М.А. Маханько (отв. ред.), К.Б. Образцова,
О.В. Овчарова (отв. ред.), Г.В. Попов,
М.И. Яковлева

Рецензенты:

д.иск. М.А. Орлова (ГИИ),
к.иск. Н.В. Герасименко (ЦМиАР),
к.иск. С.Н. Татарченко (ГТГ)

Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Москва, 15–18 сентября 2021 года / Отв. ред. М.А. Маханько, О.В. Овчарова. – М.: ГИИ; ЦМиАР, 2023. В сборник вошли статьи по материалам конференции «Между Востоком и Западом. Св. Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве», состоявшейся 15–18 сентября 2021 года и посвященной 800-летию со дня рождения св. Александра Невского (1221–1263). Работы отечественных и зарубежных специалистов освещают круг проблем, связанных с изучением древнерусского, византийского и восточнохристианского искусства XIII века, а также с осмыслением образа св. Александра Невского в художественной культуре XVI – начала XX века. Издание предназначено для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей христианской культуры и искусства.

Between East and West. Saint Alexander Nevsky, His Time and Image in Art. Collected Papers of International Scientific Conference. Moscow, September 15–18, 2021 / Ed. by M. Makhanko, O. Ovcharova. – Moscow: SIAS; CARM, 2023.

The collection includes papers from the conference “Between East and West. Saint Alexander Nevsky, His Time and Image in Art”, which took place on 15–18 September 2021 and was dedicated to the 800th anniversary of St. Alexander Nevsky (1221–1263). Essays by Russian and foreign specialists investigate a range of problems connected with studying Old Russian, Byzantine and Eastern Christian art of the 13th century, and conceptualization of the image of St. Alexander Nevsky in artistic culture of the 16th – early 20th century. This publication is intended for specialists and readers interested in history of Christian culture and art.

ISBN 978-5-98287-205-0

© Государственный институт
искусствознания, 2023

© Центральный музей древнерусской культуры
и искусства имени Андрея Рублева, 2023

© Тексты: авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

- 13 Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве (Л.И. Лифшиц, А.В. Захарова, М.И. Яковлева)
Between East and West. Saint Alexander Nevsky, His Time and Image in Art (Lev Lifshits, Anna Zakharova, Maria Iakovleva)

I. ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО MIEVEAL RUSSIAN ART OF THE TIME OF SAINT ALEXANDER NEVSKY

- 26 И.В. Антипов. Новгородская архитектура конца XIII – начала XIV века: новые исследования
Ilya Antipov. Novgorodian Architecture of the Late 13th – Early 14th Century: New Research
- 38 И.А. Шалина. Икона Богоматери Умиления из Белозерска в диалоге восточнохристианской и западной культуры
Irina Shalina. Icon of the Virgin of Tenderness *Belozerskaya* in the Dialogue of Eastern Christian and Western Cultures
- 72 Л.М. Евсева. Ростовские иконы раннего XIII века «Христос Вседержитель» и «Богоматерь Воплощение» как памятники русско-византийских художественных связей
Liliya Evseeva. The Rostov Icons of *Our Lady of Incarnation* and *Christ Pantocrator* of the Early 13th Century as an Evidence of Russian-Byzantine Art Connections
- 90 Anna Manukian. The Virgin Cycle on the West Door of the Suzdal Cathedral
А.М. Манукян. Богородичный цикл на западных вратах собора Рождества Богоматери в Суздале

- 106 Е.М. Саенкова. К уточнению иконографической программы иконы «Илия Пророк в пустыне, с житием и Деисусом» середины XIII века из села Выбуты
Elena Saenkova. New Information on the Iconographic Program of the Icon *Elijah the Prophet in the Desert, with the Hagiographic Cycle and the Deesis* of the Mid-13th Century from the Village of Vybuty
- 124 Д.С. Першина, Д.С. Першин. Икона «Илия Пророк в пустыне, с житием и Деисусом» из села Выбуты в свете последних исследований
Daria Pershina, Dmitry Pershin. The Icon *Elijah the Prophet in the Desert, with the Hagiographic Cycle and the Deesis* from the Village of Vybuty in Light of the Recent Research
- 142 Е.В. Гладышева. Икона «Спас на престоле с избранными святыми на полях» из собрания ГТГ: еще раз об иконографической программе и месте памятника в искусстве Новгорода последней четверти XIII века
Ekaterina Gladysheva. Icon *The Savior Enthroned with Selected Saints* from the Collection of the State Tretyakov Gallery: Once Again About the Iconographic Program and the Place of the Monument in the Art of Novgorod in the Last Quarter of the 13th Century
- 166 Т.Ю. Царевская. Храмовая икона церкви Николы на Липне: от замысла к воплощению
Tat'iana Tsarevskaja. The Patronage Icon of the Church of St. Nicholas on Lipno: From Idea to Embodiment
- 210 Э.С. Смирнова. Рукопись Лобковского Пролога (ГИМ, Хлуд. 187) как памятник новгородского книжного искусства XIII века
Engelina Smirnova. The Manuscript of the Lobkov's Synaxarion (State Historical Museum, Chludov 187) as a Monument of the Novgorod Book Art of the 13th Century
- 220 Л.И. Лифшиц. К вопросу о стиле миниатюр Симоновского Евангелия 1270 года
Lev Lifshits. On the Issues of Style in the Miniatures of the Simonovo Gospels (1270)
- 232 Т.В. Житкова. «Сионцы» из Рязанского клада 1822 года. Новые архивные данные и уточнение типологии
Tatyana Zhitkova. *Siontsy* from the Ryazansky Treasure of 1822. New Archival Data and Clarification of the Typology

II. ИСКУССТВО ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА В XIII ВЕКЕ
 THE ART OF THE BYZANTINE WORLD
 IN THE 13TH CENTURY

- 244 А.Ю. Виноградов. Церковная архитектура государств византийской ойкумены в XIII веке: в поисках нового стиля
 Andrey Vinogradov. 13th-Century Church Architecture in the States of the Byzantine Oikoumenē: Searching for a New Style
- 270 Stavros Mamaloukos. Architecture in Southeastern Central Greece during 13th and 14th Centuries
 С. Мамалукос. Архитектура юго-восточной Центральной Греции в XIII–XIV веках
- 302 Ioannis P. Chouliaras. Thirteenth-Century Frescoes in Epirus with Western Influences
 И.П. Хулиарас. Фрески XIII века с западными влияниями в Эпире
- 318 Ioanna Bitha. Iconographic Preferences in Church Mural Decoration in Kythera, Greece, in the 13th Century
 И. Бифа. Иконографические особенности в росписях церквей на острове Кифера в Греции в XIII веке
- 334 Angeliki Katsioti. Merely Eastern: Aspects of Monumental Painting in Rhodes and the Dodecanese in the 13th Century
 А. Кацоти. Только восточное: монументальная живопись Родоса и Додеканесских островов в XIII веке
- 354 А.А. Адашинская, Е.А. Виноградова. Новооткрытые фрески монастыря Сумела в Понте: датировка, иконография и стиль
 Anna Adashinskaya, Elena Vinogradova. Newly Discovered Murals of Sumela Monastery in Pontos: Dating, Iconography and Style
- 392 О.В. Овчарова. Миниатюры Четвероевангелия Ms. Ludwig II 5 (GA 679) из Музея Гетти: вопросы стиля и хронологии создания
 Olga Ovcharova. The Miniatures of the Tetraevangelion, J. Paul Getty Museum, Ms. Ludwig II 5 (GA 679): Aspects of Style and Chronology
- 414 И.А. Орецкая. Рукопись Нового Завета из Российской национальной библиотеки (Греч. 101): о времени создания и художниках, участвовавших в поновлении ее миниатюр в конце XIII века
 Irina Oretskaia. The New Testament in the Russian National Library (Gr. 101): The Time, When It was Written and the Artists that Repainted Its Miniatures in the Late 13th Century

- 428 Tatjana Starodubcev. Serbia and the Christian East in the 13th Century. Miniatures of the Prizren Gospel as a Testimony of Artistic Connections
Т. Стародубцев. Сербия и христианский Восток в XIII веке: миниатюры Призренского Евангелия как свидетельство художественных связей
- 452 Maria Rosaria Marchionibus. Magical Seals in Apulian Caves: The Case of the Crocefisso Crypt at Ugento
М.Р. Маркионибус. Магические печати в апулийских пещерах: случай крипты Крочефиссо в Удженто
- 472 Н. Хелу. У истоков монументальной живописи XIII века в Ливане
Nada Helou. At the Origins of the 13th-Century Paintings in Lebanon
- 488 З.А. Акопян. Между Византией и Кавказом: Иконографические особенности росписи церкви Св. Григория (Тиграна Оненца) в Ани (первая половина XIII века)
Zaruhi Hakobyan. Between Byzantium and the Caucasus: Iconographic Peculiarities of the Wall Painting of St. Gregory's (Tigran Honents) Church of Ani (Early 13th Century)
- 504 Л.Ш. Микаелян. Проводники душ и небесные стражи: образы сирен и сфинксов в армянской пластике XIII века и в искусстве исламского Востока
Lilit Mikayelyan. Guides of Souls and Heavenly Guardians: Images of Sirens and Sphinxes in Armenian Sculpture of the 13th Century and in the Art of Islamic East
- III. ОБРАЗ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО
В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XVI – НАЧАЛА XX ВЕКОВ
THE IMAGE OF SAINT ALEXANDER NEVSKY
IN THE RUSSIAN ART FROM THE 16TH TO
THE EARLY 20TH CENTURY
- 524 Л.И. Антонова. Иллюстративный ряд Слова похвального «О велице князе Александре Ярославиче» в Лицевом летописном своде 1560–1570-х годов
Larisa Antonova Illustrative Row of *Word of Praise About Prince Alexander Yaroslavich Nevsky* in the Illustrate Compiled Chronicle of 1560–1570s
- 538 М.А. Маханько. Каким иконам молился св. князь Александр Невский по представлениям мастеров Лицевого летописного свода
Mariya Makhanko. Before which icons was praising St. Prince Alexander Nevsky in the opinions of Illuminated Chronicles`s (Licevoy letopisny svod) painters

- 558 Г.А. Назарова. Об одном раннем иконном образе святого Александра Невского в частном собрании
Galina Nazarova. About an Early Image of Saint Alexander Nevsky in a Private Collection
- 574 Л.И. Алехина. Служба благоверному князю Александру Невскому как образец для гимнографов XVII–XVIII веков
Larisa Alehina. The Service to the Right-Believing Prince Alexander Nevsky as a Model for the Hymnographers of 17th–18th Centuries
- 594 Ж.Г. Белик. Редкие варианты иконографии Александра Невского в церковном искусстве Нового времени
Dr. Zhanna Belik. Rare Variations of the Iconography of St. Alexander Nevsky in the 18th–19th centuries Church Art
- 624 А.П. Иванникова. Орден Св. Александра Невского и новая иконография благоверного князя в произведениях XVIII века
Anna Ivannikova. The Order of St. Alexander Nevsky and the new iconography of the Blessed Prince in the works of the 18th century
- 640 Г.П. Черкашина, М.Е. Соболева. Изображения святого благоверного князя Александра Невского в Троице-Сергиевой лавре
Galina Cherkashina, Margarita Soboleva. Images of Saint Blessed Prince Alexander Nevsky in the Holy Trinity Sergius Lavra
- 660 Л.В. Кондрашкова. Служба благоверному князю Александру Невскому знаменного распева из поморских Трезвонov XVIII века в собрании ЦМиАР
Lada Kondrashkova. Church service to the Orthodox Prince Alexander Nevsky in Znamenny Chant from the Pomor *Trezvony* of the 18th Century in the Collection of the Andrey Rublev Museum
- 676 Д.А. Гуревич. История создания и атрибуции иконы благоверного князя Александра Невского и избранных святых из храма Воскресения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге
Dmitry Gurevich. Attribution and History of Creation of the Icon Depicting Blessed Grand Prince Alexander Nevsky and Selected Saints from the Memorial Church of the Resurrection of Christ (Savior on Blood)
- 694 Сведения об авторах
Information about authors
- 702 Список сокращений
List of abbreviations

А.Ю. Виноградов

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА ГОСУДАРСТВ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОЙКУМЕНИ В XIII ВЕКЕ: В ПОИСКАХ НОВОГО СТИЛЯ*

АННОТАЦИЯ

После падения Константинополя в 1204 г. и последовавшего за этим монгольского нашествия в большинстве православных государств через некоторое время – разное в различных областях – начинается возрождение монументального строительства, прежде всего в целях визуальной репрезентации новых политий. В поздневизантийских государствах XIII в. доминирующей становится тенденция ориентироваться на престижные местные образцы, подчеркивая преемство архитектурной традиции региона. Иногда к этому добавляются элементы внешнего влияния в соответствии с географией региона: грузинского и сельджукского – в Трапезунтской империи и южноиталийского – в Эпирском деспотате. Вместе с тем, в случае исключительных по статусности построек мы видим другую ориентацию – на престижные образцы старой константинопольской архитектуры, которая делает акцент на преемстве не местной традиции, но лучшим памятникам эпохи расцвета единой империи, хотя иногда эти тенденции соединяются в одном здании. Особый случай представляет собой раннепалеологовский Константинополь: он ориентируется в равной мере на средневизантийскую архитектуру Города (в конструкции) и на зодчество Никейской империи (в декоре фасадов).

В церковном зодчестве Грузии конца XIII – начала XIV в. мы видим две параллельные тенденции: воспроизведение образцов последнего расцвета начала XIII в. (заказы Беки Джакели) и оригинальный поиск, основанный на соединении разнородных и разновременных архитектурных форм (храм Метехи).

На Руси основной тенденцией в новом храмовом строительстве также становится обращение к старым локальным образцам, причем именно местной архитектурной традиции начала XIII в. Однако внутри этого общего направления можно выделить два разных пути. В Юго-Западной Руси и Новгороде, соседствующих с государствами католического мира, местные образцы переосмысливаются в новых архитектурных, технических и художественных формах мастерами, приглашенными из этих земель (аналогично Сербии). Напротив, в расположенных восточнее Тверском и Московском княжестве в конце XIII – начале XIV в. никакого западного влияния не прослеживается, а главным источником вдохновения становится последний этап владимиристо-суздальского зодчества домонгольской эпохи. Причиной этого было скорее желание воспроизвести храмы Владимира-на-Клязьме эпохи его расцвета, откуда князья Твери и Москвы происходили и на чье великое княжение претендовали. В этом подражании престижному образцу, далекому, но из собственного прошлого, можно увидеть нечто схожее с ориентацией на зодчество павшего Константинополя у некоторых правителей поздневизантийских государств, считавших себя преемниками Комнинов.

Ключевые слова: византийская архитектура, грузинская архитектура, древнерусская архитектура, XIII век.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Конструирование идентичностей в средневековых культурах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году. Сердечно благодарю И.В. Антипова, А.В. Захарову и Д. Хохтарию за ценные советы и замечания.

Andrey Vinogradov

13TH-CENTURY CHURCH ARCHITECTURE IN THE STATES OF THE BYZANTINE OIKOUMENĒ: SEARCHING FOR A NEW STYLE

ABSTRACT

After the fall of Constantinople in 1204 and the subsequent Mongol invasion, in most Orthodox states, after some time – different in different areas – the revival of monumental building activity began, primarily for the visual representation of new polities. In the late Byzantine states of the 13th century, the dominant tendency was to focus on prestigious local samples, emphasizing the continuity of the architectural tradition of the region. Sometimes several elements of external influences were added in accordance with the geography of the region: of the Georgian and Seljuk in the Trebizond Empire, and of the Southern Italian in the Epirus. At the same time, in the case of buildings of exceptional status, we see a different orientation – to prestigious examples of the earlier Constantinopolitan architecture, which emphasizes the succession not to the local tradition, but to the best monuments of the imperial past, although sometimes these trends were combined in one building. A special case is the Early Palaeologan Constantinople: it focuses equally on the Middle Byzantine architecture of the City (in construction) and the architecture of the Nicean Empire (in the decoration of facades).

In the church architecture of Georgia at the turn from the 13th to the 14th century, there are two parallel trends: the imitation of samples of the early 13th century (foundations of Beka Jaqeli) and the original search based on the combination of heterogeneous and different architectural forms (Metekhi church).

In Rus', the main trend in new church buildings was also an imitation of old patterns, exactly of the local architectural tradition of the early 13th century. However, within this general trend, two different paths can be distinguished. In Southwestern Rus' and Novgorod, neighbouring the states of the Catholic world, local samples were reinterpreted in new architectural, technical and artistic forms by craftsmen invited from these counties (as in Serbia). On the contrary, in the Tver and Moscow Principalities, located to the east, in the late 13th and the early 14th centuries, there was no Western influence, and the main source of inspiration became the last stage of the pre-Mongol architecture of Vladimir Principality. The reason for this was rather a desire to reproduce the impressive churches of Vladimir, from where the princes of Tver and Moscow originated. In this imitation of a prestigious model, distant, but from their own past, they show the similar orientation as to the architecture of the fallen Constantinople among some rulers of the late Byzantine states, who considered themselves the successors of the Komnenoi.

Keywords: Byzantine architecture, Georgian architecture, Old Russian architecture, 13th century.

Падение Константинополя в 1204 г. и последовавшее за этим монгольское нашествие оборвали расцвет архитектуры православного мира (за исключением Болгарии и Сербии). В частности, они прервали связь древнерусского зодчества с византийским, и так довольно слабую к началу XIII в. (приезд последних византийских мастеров точно фиксируется за сто лет до этого¹). Одновременно падает значение Константинополя как архитектурного ориентира, каким он был для всех стран православной ойкумены, включая эпохи Комнинов и Ангелов.

Однако вместе с тем в большинстве православных государств через некоторое время – разное в различных областях – в разном масштабе (от десятков храмов в Эпирском деспотате до единиц в русских княжествах) начинается возрождение монументального церковного строительства, причем, как мы увидим ниже, зачастую не для создания срочно необходимых храмов, а в целях визуальной репрезентации новых политий. В этой области монументальное церковное зодчество по-прежнему оставалось одним из главных инструментов, к тому же актуализировавшимся в противостоянии католическому Западу и мусульманскому Востоку. И тут встает общий вопрос о новых архитектурных стилях этих восточнохристианских государств (поэтому мы оставляем за скобками православное церковное зодчество на территории Латинской империи, а также Болгарии и Сербии, где оно не прерывалось). Формирование этих стилей приходится преимущественно на вторую четверть – конец XIII в. (в редких случаях, например, Пскова или Москвы, – первую треть XIV в.). В настоящей статье, не претендующей на частные новации, но дающей сравнительный обзор, которого обычно лишены истории восточнохристианской архитектуры²,

¹ См.: *Раннопорт П.А.* О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.: Art-contact, 1994. С. 197–205.

² Так, Р. Краутхаймер отмечает как общие черты этого периода лишь отсутствие типологических новаций, изменение пропорций и активное добавление новых помещений (*Krautheimer R.* *Early Christian and Byzantine Architecture*. 4th ed. / Revised by R. Krautheimer, S. Ćurčić. London: Penguin Books, 1986. P. 415–416, 450), которое на самом деле имело место уже в средневизантийский период. С. Манго указывает только на усиление роли фасадной декорации (*Mango C.* *Byzantine Architecture*. Milano: Electa, 1974. P. 167). Р. Оустерхаут говорит лишь об активизации взаимовлияния византийской, западноевропейской, кавказской и мусульманской архитектур (*Ousterhout R.* *Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 590, 592). А.Л. Якобсон вообще не

мы попробуем посмотреть, как эта задача репрезентативного церковного строительства решалась в православных государствах поздневизантийской ойкумены и в чем сходства и различия их путей.

Трапезунтская империя. Самой ранней датированной постройкой одной из наследниц Византии – Трапезунтской империи, считается Св. София – храм погребального монастыря императора Мануила (1238–1263)³, уже одним своим именем указывающая на высочайший уровень статусных претензий. Однако и план, и конструкция, и строительная техника, и архитектурные детали этой постройки полностью ориентированы не на Константинополь, а на местное зодчество средневизантийского периода. Если сравнить ее с храмами, сохранившимися от этой эпохи (например с трапезунтской Накип Джамии (Св. Андрей?) конца IX в.⁴), сразу бросается в глаза одинаковая гладь слабо артикулированных каменных фасадов с сочетанием многогранной и полукруглых апсид. К сожалению, купольная архитектура средневизантийского Понта до нас почти не дошла, но представление о ней мы можем составить по зодчеству соседнего Абхазского царства, имевшего понтийские корни. Сравнение планов Св. Софии Трапезунтской и храма Успения в абхазских Лыхнах X в.⁵ показывает, что они принадлежат к одному и тому же сложному изводу вписанного креста, с нартексом и тремя полуоткрытыми притворами, характерными для архитектуры именно этого региона. Одинакова в них и конструкция перекрытий, со ступенчато повышающимися подпружными арками под куполом. Точно так же скупой декор на фасадах апсид Св. Софии в виде сложно профилированных бровок находит прямую аналогию

выделяет общих для XIII в. архитектурных тенденций, кроме усложнения фасадного декора и усиления роли монастырей (Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. Л.: Наука, 1987. С. 218–227), которые, как мы увидим, мало определяли облик зодчества этого периода.

³ О ней см.: Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot: Ashgate, 2004.

⁴ О ней см.: Ballance S. The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10. P. 154–155. Fig. 8–9. Pl. XVIII.a–b; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985. P. 218–219. Pl. 164, 166a–b, 167a–b.

⁵ О нем см.: Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015. С. 191–203.

в храме Св. Симона Кананита в Анакопии (898 г.?)⁶ (илл. 1а–б). Немногочисленные новации Св. Софии Трапезунтской – это пол в технике *opus sectile*, ориентирующийся на Константинополь, а также уникальный рельефный декор на притворах: южном (фриз с историей изгнания Адама и Евы из рая, рамка окна-квадрифолия, валик с растительным орнаментом и отдельные рельефы, в том числе сполии), возникшем, вероятно, под грузинским влиянием, и западном (сталактитовые ниши и капители и орнаментальные рельефы), несущем явные следы сельджукского влияния.

К тому же «ретроспективному» направлению принадлежит и кафедральный собор Трапезунта – Панагия Хрисокефалос⁷, перестроенный, вероятно, в XIII в. из базилики в купольный храм. Как и в более позднем случае главного городского мартирия – Св. Евгения 1340-х гг., мы видим отказ от старой местной традиции базилик (см. выше) в пользу более престижных крестово-купольных храмов. Главная новация в трапезунтском соборе – подражание в декорации интерьера «столичным» образцам (мозаики, мраморы на стенах алтаря и наборный пол⁸), которое было призвано подчеркнуть статус проводимых здесь императорских церемоний, ориентированных на Константинополь. Впрочем, последнее обстоятельство определило и некое подражание конструкции Св. Софии Константинопольской, которое выразилось в специфической попытке создания хор, идущих по периметру здания (за счет соединения западных хор со вторым ярусом северо-восточной ячейки при помощи прохода на пристенных колоннах).

Большая проблема в изучении архитектуры Трапезунтской империи – недостаток точно датированных памятников: к XIII в. можно отнести лишь еще один храм, вне Трапезунта. Вместе с восточной крепостью Триполи трапезунтский император Иоанн II (1280–1301) возвел, очевидно, и частично сохранившийся храм Богородицы, аналогичный по плану Св. Михаилу в Платане (современный

⁶ См.: Там же. С. 186. Илл. 98.

⁷ О ней см.: *Ballance S.* The Byzantine Churches in Trebizond. P. 146–151. Fig. 4. Pl. XVI b–c, XVII a–b; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. P. 238–243.

⁸ См.: *Özgümiş F., Yavuz E.* Trabzon'daki Öteki Roma İmparatorluğu Sanatı Panagia Chrysokephalos Kilisesi (Ortahisar Camii) Restorasyon Çalışması // *Vakıf Restorasyon Yılığ*. 2020. Sayı 21. S. 40–67.

Акчаабат)⁹. Это трехтравейный «купольный зал», где выделение подкупольной ячейки подчеркнуто профилировкой пилястров (обычно переходящей в систему ступенчато повышающихся подпружных арок) только с ее стороны. Такой тип здания восходит опять же к средневизантийской архитектуре Понта¹⁰.

Итак, монументальная церковная архитектура Трапезунтской империи XIII в. (как, впрочем, и XIV) демонстрирует тотальную ориентацию на местное зодчество средневизантийского периода, причем и в планировке, и в конструктивных приемах, и в архитектурной декорации. Оглядка на средневизантийский Константинополь проявляется только в декоре интерьера двух императорских храмов, и отчасти в конструкции хор местного собора. Внешние же влияния, грузинское и сельджукское, касаются лишь фасадной скульптуры Св. Софии Трапезунтской.

Эпирский деспотат. Схожую ситуацию мы видим и на другом краю византийского мира – в Эпирском деспотате. Храмы этого государства и его столицы Арты¹¹ ориентируются на типы строительной техники и декорации фасадов двух стилей: «доэлладской школы», укорененной в самом Эпире с IX в., и «элладской школы», проникшей к XIII в. на македонские земли, которые оказались под властью эпирских деспотов из рода Комнинодук. К первому направлению принадлежат немногочисленные храмы вне Арты (например Св. Николай тис Родиас)¹².

Однако большинство новых храмов Эпирского деспотата, как в Арте, так и вне ее, ориентируется на богатую фасадную декорацию «элладской школы». Так, пример Св. Василия в Арте второй половины XIII в. показывает, как простота конструкции (зальный храм

⁹ О них см.: *Ballance S.* The Byzantine Churches in Trebizond. P. 164–167. Fig. 18; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. P. 142–143, 230. Fig. 28.

¹⁰ См.: *Виноградов А.Ю.* Происхождение и эволюция «купольного зала» // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк 1906–1984 (Труды Государственного Эрмитажа; 99). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. С. 48–73.

¹¹ О них см.: *Καλώνης Ν.* Η ναοδομική αρχιτεκτονική του δεσποτάτου της Ηπείρου: την περίοδο της δυναστείας των Κομνηνών Αγγέλων (1204–1318). Diss. T. 1–2. Αργινό, 2005.

¹² См.: *Vokotopoulos P.* Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences // Зограф. 1998–1999. Т. 27. С. 79–92.

с пристройками) компенсируется богатством декоративного наружного убранства, сконцентрированного особенно на восточном фасаде. *Opus spicatum*, псевдо-меандр, поребрик, кладка *cloisonné* и другие приемы керамического декора восходят к таким средневизантийским памятникам на территории Эпирского деспотата, как, например, храмы Кастории¹³ (илл. 2а-б), хотя возможно и внешнее влияние. Новое в Арте – это усиление полихромии фасада (как позднее в Месемврии), достигнутое за счет разноцветных плиток в *opus reticulatum* и поливных икон, имеющих южноиталийское происхождение.

Ориентация на местную средневизантийскую архитектуру видна и в типологии новых церквей. Не считая зальных храмов, это укороченные базилики (иногда перестроенные из средневизантийских, как Св. Феодора в Арте), «купольные залы», вписанные кресты простого извода, свободный крест и триконх, то есть типы, хорошо известные средневизантийскому зодчеству Северо-западной Греции¹⁴. Единственной устойчивой типологической новацией Эпирского деспотата стал зальный храм/базилика с перекрытием в виде трансепта по центру здания (σταυρεπίστευος). Однако первый датированный пример этого типа¹⁵ – базилика Порта Панагия в Пили 1247 г., роскошная (с мозаиками и *opus sectile*) постройка деспота Михаила II (заказавшего и первую зальную церковь такого типа – Преображения в Галаксиди), был построен зодчим Николо Королли «из страны франков». Этот зодчий адаптировал на местной почве тип храма, хорошо известный в Южной Италии¹⁶, которая влияла на Эпирский

¹³ О них см.: *Δρακοπούλου Ε.* Η πόλη της Καστοριάς στη βυζαντινή και μεταβυζαντινή εποχή (12ος–16ος αι.). Ιστορία – Τέχνη – Επιγραφές. Αθήνα: ΧΑΕ, 1997.

¹⁴ О нем см.: *Βοκοτόπουλος Π.Λ.* Η ἐκκλησιαστικὴ ἀρχιτεκτονικὴ εἰς τὴν Δυτικὴν Στερεὰν Ἑλλάδα καὶ τὴν Ἠπειρὸν ἀπὸ τοῦ τέλους τοῦ 7ου μέχρι τοῦ τέλους τοῦ 10ου αἰῶνος (Βυζαντινὰ μνημεῖα, 2). Θεσσαλονίκη: Κέντρον βυζαντινῶν ἐρευνῶν, 1992.

¹⁵ Что купольный храм типа вписанного креста Панагия Бриони в Неохори близ Арты, освященный в 1237 г. патриархом Германом II, изначально относился к данному типу, – не более, чем гипотеза Г. Велениса (*Velenis G.* Thirteenth-Century Architecture in the Despotate of Epirus: The origins of the School // *Studenica et l'art byzantin autour de l'année 1200 : à l'occasion de la célébration de 800 ans du monastère de Studenica et de centième anniversaire de l'Académie serbe des sciences et des arts, September [i.e. septembre] 1986 : reçu à la IV séance de la Classe des sciences historiques le 29 avril 1987 (SASA Scientific Works; 41. Section of Historical Sciences; 11). Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1988. P. 279–280).*

¹⁶ См.: *Küpper H.M.* Bautypus und Genesis der griechischen Dachtranseptkirche. Wien: Verlag der ÖAW, 1996.

деспотат и в политическом отношении, вплоть до его формального подчинения. При этом все храмы такого типа здесь построены в технике и с фасадной декорацией «элладской школы».

Итак, многочисленные церковные постройки XIII в. на землях Эпирского деспотата также ориентируются преимущественно на старые типы и приемы местной средневизантийской архитектуры. С другой стороны, здесь, на перекрестке культур, сильнее заметно внешнее влияние – южноиталийское, проявляющееся и в типологии, и в декорации, и, как мы увидим ниже, в архитектурной скульптуре (как и одновременно с этим в Сербии).

Впрочем, не позднее второй четверти XIII в. в Эпирском деспотате проявилась еще одна архитектурная ориентация – на престижные образцы константинопольской школы. Необычная «купольная базилика» Панагии Влахерны близ Арты с куполами над боковыми нефами, хотя и представляет собой плод перестройки, в своей базиликальности и сложности плана, возможно, ориентируется на знаменитый Влахернский храм Богородицы в Константинополе. Единственный в деспотате представитель сложного извода вписанного креста – церковь Панагии Пантанассы в Филиппиаде – был, вероятно, заказом деспота Михаила II (на что указывает и пол в технике *opus sectile*), а добавление открытой галереи – его сына Никифора. К ним можно добавить и уникальный храм Св. Николая в Месопотаме (до 1224/5 г.)¹⁷, с двумя апсидами, четырьмя куполами и одной колонной, украшенный богатым рельефным декором и полом в технике *opus sectile*. Впрочем, и эти храмы в области строительной техники и фасадной декорации демонстрируют полную приверженность принципам «элладской школы».

¹⁷ О нем см.: *Giakoumis K., Karaiskaj G.* New Architectural and Epigraphic Data on the Site and Catholicon of the Monastery of St. Nikolaos at Mesopotam (Southern Albania) // *Monumentet*. 2004. Т. 1. P. 81–95; *Macchiarella G.* Un caso a sé: San Nicola di Mesopotam (Albania) // *Tempi e forme dell'arte. Miscellanea di Studi offerti a Pina Belli D'Elia*. Foggia: Claudio Grenzi Editore. 2011. P. 123–136. Эта дата показывает ошибочность характеристики первого этапа архитектуры Эпирского деспотата (1205–1230-е гг.) как характеризующегося простотой и подражательностью (см.: *Заворина М.Л.* Эпирская традиция в поздневизантийской архитектуре Северной Македонии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. 2021. Вып. 11. С. 469–470).

Наконец, наиболее крупный храм Эпирского деспотата – кафоликон монастыря Богородицы Паригоритиссы в Арте¹⁸, был в 1289–1292 гг. перестроен по заказу деспота Никифора из обычного вписанного креста в «октагон на трюпах», окруженный приделами, нартексом и открытыми галереями на константинопольский манер. Интересно, что за образец здесь был взят не сложный извод типа, распространенный на материке (ср. ниже), а, судя по изоляции центрального ядра и пристенным колоннам, простой, «островной» извод, напрямую связанный с именем императора Константина Мономаха, построившего в таком виде кафоликон Неа Мони на о. Хиос¹⁹ (илл. 3а–б). П. Вокотопулос отмечает также «столичную» разделку восточного фасада храма Паригоритиссы глухими арками и нишами в два яруса²⁰, хотя декорация остальных фасадов здесь вполне традиционна для Эпирского деспотата, а скульптурный декор интерьера выполнен южноиталийскими мастерами. Напротив, идея Вокотопулоса о подражании пятикупольности Паригоритиссы палеологовским церквям Фессалоник (Свв. Апостолов и Св. Екатерины) явно ошибочна, поскольку те датируются более поздним временем – после 1310 г. Более того, учитывая значение охридских построек эпирских мастеров конца XIII в. (церквей Перивлепты (1295 г.) и Иоанна Канео) для последующего зодчества Македонии²¹, а также специфическую «солунскую» форму вытянутых куполов, появляющуюся впервые именно на Паригоритиссе в Арте, следует предполагать скорее обратное влияние – Эпира на Фессалонику, где постоянная смена политических режимов не дала развиваться в XIII в. собственной архитектурной школе.

Морейский деспотат. Схожим путем подражания местным образцам пошла и архитектура Морейского деспотата, возникшего в 1262 г. на отвоеванном у латинян юге Пелопоннеса, с центром в Мистре, где сразу же начинается возведение православных церквей²².

¹⁸ О нем см.: *Theis L.* Die Architektur der Kirche der Panagia Paregoretissa in Arta/Epirus. Bd. 1–2. Amsterdam: Hakert, 1991.

¹⁹ О нем см.: *Μπούρας Χ.* Η νέα Μονή της Χίου. Αθήνα: Έκδοση Εθνικής τραπεζής της Ελλάδος, 1981.

²⁰ *Vokotopoulos P.* Church Architecture... С. 91. Остальные его параллели между архитектурой Константинополя и Эпирского деспотата неоднозначны.

²¹ *Status quaestionis* см. в: Заворина М.Л. Эпирская традиция... С. 468–479.

²² О них см.: Τα μνημεία του Μυστρά / Έл. Σ. Σίνος. Αθήνα: Υπουργείο. Πολιτισμού, 2009.

Именно там возникает первый храм деспотата – местная Митрополия (Св. Димитрий), начатая после 1262 и законченная после 1283 г. в виде укороченной базилики (вероятно, по образцу старого собора Св. Никона в Спарте) с типичной для «элладской школы» фасадной декорацией (илл. 4). Показательно, что позднее, в середине XV в., она была перестроена в более «престижную» купольную базилику «типа Мистры».

Второй по времени храм Мистры – первый кафоликон монастыря Вронтохий, посвященный свв. Феодорам и построенный между 1290 и 1296 гг. в технике той же «элладской школы», тоже подражает, хоть и в несколько упрощенных формах, престижному местному образцу – Св. Софии в Монеувасии XII в., хотя в Мистре западные столпы были заменены на колонны (как в средневизантийском храме Св. Николая в Скрипу). Однако тут следует вспомнить, что последняя, в свою очередь, воспроизводит тип «октагона на тропях» сложного, «материкового» извода, также имеющего константинопольское происхождение (ср. выше). Такая ориентация на «столичный» прототип предвещает прямое обращение Мистры к зодчеству Константинополя при строительстве храма Одигитрии в 1309–1322 гг., однако это уже иная эпоха – время влияния архитектуры палеологовской столицы на весь византийский Запад, включая и Мистру, и Фессалонику.

Никейская империя. Старые местные образцы были основным источником вдохновения и для архитектуры Никейской империи. Так, в столице империи Никее открытый раскопками храм С (возможно, идентичный Св. Трифону 1255 г.)²³ повторяет план кафоликона местного монастыря Успения²⁴, служившего в первые десятилетия XIII в. собором Никейского патриархата. Примечательно, что, несмотря на две строительные фазы (наос с апсидой и обход, закрывший даже ниши на фасаде наоса), в целом храм С полностью повторяет тот облик церкви Успения, который сложился за несколько столетий, с начала

²³ О нем см.: *Eyice S.* Die byzantinische Kirche in der Nähe des Yenisehir-Tores zu İznik (=Nikaia) // *Materialia Turcica.* 1981–1982. Bd. 7–8. S. 152–167.

²⁴ О нем см.: *Peschlow U.* Neue Beobachtungen zur Architektur und Ausstattung der Koimesiskirche in Iznik // *Istanbuler Mitteilungen.* 1972. Bd. 22. S. 145–187; *Id.* The Churches of Nicaea-Iznik // *Iznik throughout History.* Istanbul: Türkiye Bankası, 2003. P. 203–205.

VIII до середины XI в. Базилика Св. Софии²⁵, превращенная в 1220-е гг. в новый кафедральный собор Никеи в связи с повышением статусных претензий империи²⁶ (включая и имя собора), получила при этой перестройке (наряду с полом в технике *opus mixtum*) купольные пастофории, очевидно, также в подражание старому собору – церкви Успения.

«Никейские» постройки Западной Анатолии тоже демонстрируют ориентацию на местные образцы – теперь на локальный, восточно-эгейский извод «элладской школы». Это хорошо видно, например, по фасадной декорации храмов XIII в. на Латмосе²⁷, мысе Микале²⁸ и в Ионии, равно как и императорского дворца в Нимфее первой половины XIII в.²⁹ Только на апсидах храма на о. Кахве Асар Ада мы встречаем, наряду с кладкой *cloisonné* и керамическим декором, «столбчатые» нишки сложного профиля и два ряда окон (илл. 5). Типологии церковных зданий здесь тоже довольно консервативны: это укороченная базилика (храм на о. Ыкыз Ада), вписанный крест простого извода (храм на о. Кахве Асар Ада), триконх (храм в Килеселике), «купольные залы» с пристенными колоннами (храмы на о. Капыкыры Ада, в Анайе³⁰ и Пергаме³¹).

²⁵ О ней см.: Möllers S. Die Hagia Sophia in Iznik/Nikaia. Alfter: Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften, 1994.

²⁶ См.: Виноградова Е.А. Монументальная живопись Никейской империи: границы и этапы развития // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. – МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2019. С. 286–305.

²⁷ О них см.: Peschlow-Bindokat A., Peschlow U. Der Latmos: Eine unbekannte Gebirgslandschaft. Mainz: Philipp von Zabern, 1996. S. 174–201; Peschlow U. Mount Latmos // The Archaeology of Byzantine Anatolia: From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. by Ph. Niewöhner. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 264–268.

²⁸ О них см.: Forschungen in der Mykale I, 1 / Hrsg. von H. Lohmann, G. Kalaitzoglou, G. Lüdorf (Asia Minor Studien 77). Bonn: Habelt, 2017.

²⁹ О нем см.: Çağaptay S. How Western Is It? The Palace at Nymphaion and Its Architectural Setting // Proceedings of the International Sevgi Gönül Memorial Symposium on Byzantine Studies. Istanbul: Vehbi Koç Vakfı, 2010. P. 357–363.

³⁰ О нем см.: Mercangöz Z., Tok E. Kuşadası Kadikalesi 2010 Kazı Sezonu Çalışmaları // 33. Kazı Sonuçları Toplantıları. 2011. 2. Cilt. S. 353–363.

³¹ О них см.: Rheidt K. Boğazköy und Pergamon. Zur byzantinischen Klosterarchitektur in Kleinasien // Istanbul Mitteilungen. 1993. Bd. 43. S. 479–485. Abb. 2c, 3b; Otten T. Das byzantinische Pergamon – ein Überblick zu Forschungsstand und Quellenlage // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 2/2. Mainz: RGZM, 2010. S. 12–13. Abb. 8–10.

Однако в Никейской империи, с ее высочайшими статусными претензиями, мы можем проследить, со второй четверти XIII в., и другую тенденцию. Так, раскопанный храм E в Сардах 1230–1245 гг.³² сочетает в себе кладку cloisonné и богатый керамический декор с разделкой фасада ступенчато профилированными глухими арками и сложным изводом вписанного креста с колоннами вместо предалтарных столпов.

Кафоликон монастыря Св. Иоанна Предтечи в Пруссии, построенный императрицей Ириной, женой Иоанна III Ватаца, в 1222–1242 гг. и известный нам по рисункам XIX в.³³, представляет собой сложный извод вписанного креста, с пятью апсидами, развитым нартексом и, вероятно, галереями, а также восьмигранным мавзолеем с запада. Здесь ясно чувствуется ориентация на архитектуру Константинополя эпохи Комнинов (от которых происходила Ирина) и Ангелов (чьим родственником был Иоанн) (илл. 6а–б), а в случае мавзолея – даже на герооны храма Свв. Апостолов, древней императорской усыпальницы. Это подтверждает и необычная для других «никейских» построек каркасная конструкция кафоликона с большими термальными окнами, и богатый декор фасадов, даже несколько избыточный на центральной апсиде (равно как и пол в технике opus sectile). Такая декорация находит прямые параллели в архитектуре Константинополя: сплошные ряды ниш на апсиде – в церквях XII – начала XIII в. (например в монастырях Пантократора и Хоры, Гюль Джами), а парные колонки на барабане – в храме Панагии Мухлиотиссы начала XI в. То же самое можно сказать и о декоре мавзолея, украшенного снаружи и внутри тонкими колонками из цветного мрамора.

Раннепалеологовский Константинополь. Когда в 1261 г. Михаил VIII Палеолог отвоевал, во многом случайно, Константинополь у латинян, Город достался ему в печальном состоянии: показательно, что на возобновление одного лишь Влахернского дворца пона-

³² О нем см.: *Buchwald H. Churches EA and E at Sardis (Archaeological Exploration of Sardis Reports 6).* Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2015.

³³ О нем см.: *Çağartay S. Prousa/Bursa, a City Within the City: Chorography, Conversion and Choreography // Byzantine and Modern Greek Studies.* 2011. Vol. 35.1. P. 45–69; *Mamaloukos S. Middle and Late Byzantine Church Architecture in the Periphery of Constantinople // Ἡρώς Κτίστης. Μελέτες για τα ιστορικά μνημεία της Ελλάδος (Αφιέρωμα στον Χαράλαμπο Μπούρα).* Αθήνα: Μελίσσα, 2018. Σ. 113–115.

добилось десять лет. С этим связана, пожалуй, главная особенность поздневизантийской церковной архитектуры Константинополя: здесь строили преимущественно дополнительные помещения, то есть приделы, нартексы, экзонартексы, галереи, причем почти все они имели погребальное назначение.

Для «формативного» периода раннепалеологовского зодчества, то есть правления Михаила VIII (1261–1282), – времени до Палеологовского ренессанса, когда столичная архитектура стала оказывать влияния уже на весь византийский Запад (см. выше), источники сообщают о строительстве и ремонте в Константинополе 13 церквей и монастырей³⁴. Однако самый ранний сохранившийся палеологовский храм Города относится, вероятно, уже ко времени сразу после 1282 г. К кафоликону монастыря Константина Липса 907 г. супруга Михаила VIII Феодора Дукина пристроила парэκκλιсий Св. Иоанна Предтечи со своим нартексом, а также изрезанные аркосолиями галереи с юга и с запада³⁵. Новый придел сручен с телом старого кафоликона, чья южная галерея, вместе с апсидой, превратилась в северный «неф» парэκκлисия. При этом южный рукав наоса старого кафоликона оказался слит с пространством нового придела, вероятно, в подражание знаменитому монастырю Пантократора, усыпальнице Комнинов, с его двумя основными храмами и системой общего пространства, – действительно, восстановленный монастырь Липса стал императорской усыпальницей, где был погребен и Андроник II.

К средневизантийскому зодчеству Города апеллирует и сам парэκκлисий в выборе архитектурного типа – храма «с трехсторонним обходом»: показательно, что тот же план одновременно, в 1282–1289 гг., Феодора Раулена выбрала для кафоликона монастыря Св. Андрея в Суде (сильно перестроен в османское время)³⁶. И хотя

³⁴ См.: *Kidonopoulos V. Bauten in Konstantinopel 1204–1328* (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik; 1). Wiesbaden: Reichert, 1994. S. 1–8, 37–41, 51–52, 61–62, 79–80, 88–93, 110–111, 121–125, 127, 135–136; *Bouras Ch. Architecture in Constantinople in the Thirteenth Century // Byzantine Art in the Aftermath of the Fourth Crusade / Ed. by P.L. Vocotopoulos*. Athens: Academy of Athens, 2007. P. 105–112.

³⁵ О храме см.: *Marinis V. The Monastery Tou Libos: Architecture, Sculpture, and Liturgical Planning in Middle and Late Byzantine Constantinople*. Diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2004.

³⁶ О нем см.: *Eyice S. Remarques sur deux anciennes églises Byzantines d'Istanbul: Koca Mustafa Paşa camii et l'église de Yuşa tepesi // Πεπραγμένα του 9ου Διεθνούς Βυζαντινολογικού Συνεδρίου*. Αθήνα: Μυρτίδη, 1955. Σ. 184–190.

конструкция здания остается столичной (в частности, использован сплошной карниз), основная функция данного типа – создание крупного купола и двухъярусного обхода вокруг него, исчезает: купол оказывается сравнительно небольшим, а обход – одноярусным. Но идея подражания великому прошлому здесь настолько сильна, что в вимах парэκκλίσια воспроизводятся даже такие сложные элементы, как апсидиолы, хотя уже без внимания к стиливым нюансам: устраивать их в боковых вимах было модой X в., а в центральной – XI–XII вв.³⁷ В результате стена между этими вимами оказалась прорезана сразу двумя апсидиолами, чего средневизантийские архитекторы избегали и из-за чего обе апсидиолы пришлось сделать здесь сильно приплюснутыми. Однако сама способность столичных зодчих 1280-х гг. создавать такие формы говорит о том, что византийские мастера не утратили свои навыки за время латинской оккупации Константинополя.

Западный фасад новых частей храма также похож на зодчество средневизантийского Константинополя: конструкция стены каркасная, а вся декорация ее архитектурная и состоит из глухих арок со ступенчатым профилем, с двумя ярусами проемов в них (как на нартексе Успения в Никее, созданном около 1065 г.), причем даже с некоей «маньеристической» избыточностью (полукруглые ниши вставлены в столпы между арок). Однако при сравнении апсид X и XIII вв. (илл. 7) разница со средневизантийской системой декорации становится хорошо заметна. Если древние апсиды украшены исключительно архитектурно, то есть разной формы нишами, то на новом приделе мы видим сочетание «комниновско-ангеловских» узких полукруглых ниш в три ряда с керамической декорацией «элладской школы»: кирпичными меандрами, «плетенками», «солнышками» и другими орнаментами, фигурной кладкой, карнизом из городков. Даже кладка *opus mixtum* превратилась здесь из конструктивной в преимущественно декоративную. Впрочем, в столице керамическая декорация становится, конечно, более рафинированной: так, типичный для «элладской школы» псевдо-меандр возвращается

³⁷ См.: Виноградов А.Ю. Апсидиола и полукруглая ниша как стилистические маркеры в средневизантийской архитектуре // Византийский временник. Т. 104. 2020. С. 216–242.

на апсиде придела к подлинному античному меандру с его сложными извилами. Эта тенденция к смешению стилей чуть позже станет доминирующей в таких шедеврах церковного зодчества Константинополя, как, например, парэκκλίσий монастыря Паммакаристос. Главное же отличие раннепалеологовской архитектуры Константинополя заключается в том, что она ориентируется уже не на далекие средневизантийские образцы храмов Города, а на конкретные постройки, находящиеся рядом с новыми.

Итак, можно констатировать, что в поздневизантийских государствах XIII в. доминирует тенденция ориентироваться на престижные местные образцы, подчеркивая преемство архитектурной традиции региона. Иногда к этому добавляются элементы внешнего влияния (особенно в декоре) в соответствии с географией региона: грузинского и сельджукского – в Трапезунтской империи и южноиталийского – в Эпирском деспотате. Примечательно, что в постройках Никейской империи и Морейского деспотата XIII в., несмотря на их соседство с латинскими государствами, никакого западного влияния не проявляется – возможно, из-за идейного оттолкновения. Вместе с тем, в случае исключительных по статусности построек (императорских усыпальниц и соборов) мы видим другую ориентацию – на престижные образцы столичной архитектуры, которая делает акцент на преемстве не местной традиции, но лучшим памятникам эпохи расцвета единой империи, хотя иногда в одном здании соединяются и разные тенденции. Особый случай представляет собой раннепалеологовский Константинополь: он ориентируется в равной мере и на зодчество Никейской империи (преимущественно в области декора фасадов), и на средневизантийскую архитектуру Города (прежде всего в сфере конструкции), но теперь уже не далекую, а непосредственно близкую.

Отдельно следует рассмотреть случай послемонгольской архитектуры Восточной Грузии (хронология зодчества Западной Грузии XIII в. неясна). Хотя грузинские историки архитектуры не считают хорезмское и монгольское нашествия важным фактором эволюции местного зодчества, следует отметить, что после блистательного расцвета в эпоху царицы Тамар (1184–1213) и ее сына Георгия IV (1213–1223), оборванного монгольским нашествием, монументальное

строительство возобновилось здесь только при его внуке Деметре II (1270–1289)³⁸.

Главной его постройкой стал Успенский храм Метехи в Тбилиси, который был воздвигнут в 1278–1284 гг. (барабан, своды, южная стена и столпы, кроме низа, более поздние) на месте древней церкви (фиксируется с 1130–1140-х гг.) около царского дворца в Исани, разрушенных монголами в 1236 г.³⁹ Это храм типа вписанного креста на четырех свободно стоящих крестчатых столпах с полуколоннами под большими подпружными арками (илл. 8) и с тремя выраженными снаружи полукруглыми апсидами. Столь необычный облик здания В.В. Беридзе считал плодом копирования древнего храма на этом месте. Действительно, отказ от обычной для XII–XIII вв. схемы с изоляцией восточных угловых ячеек связывает Метехи с типологией грузинских храмов X–XI вв., хотя монументальное храмовое строительство в Исани не старше его отвоевания у мусульман в 1122 г. Однако три выраженные снаружи полукруглые апсиды появляются в Картли только в эпоху царицы Тамар (например Тимотесубани) и ясно ориентируются на знаменитый собор Давида Строителя в западногрузинском Гелати, следующий, в свою очередь, традиции Абхазского царства. А форма столпов (их каменные основания сохранились) вообще уникальна для крестово-купольных церквей Восточной и Западной Грузии и находит аналогию только в Чанглы Килисе XI в. Таким образом, мы видим в Метехи, вероятно, не копирование древнего здания, а архитектурный эксперимент, призванный объединить в себе разные стили грузинского зодчества, как в «стиле Баграта».

Впрочем, остальные храмы конца XIII в. скорее продолжают прерванную линию развития грузинской архитектуры начала столетия, например зальная церковь в монастыре Гударехи, построенная дочерью Деметре II Русудан⁴⁰. Южногрузинские церкви Св. Саввы

³⁸ Промежутком между 1235 и 1278 гг. точно датирован только маленький зальный храм в Абелиани (Тетрицкарыйский район) 1250–1259 гг. Примечательно, что такого перерыва не произошло в армянской архитектуре: в 1251 г. в том же Тбилиси возводится армянский собор Сурб Геворг (см.: *Cuneo P. et al. Architettura armena. Roma: De Luca, 1988. P. 857*).

³⁹ О ней см.: *Беридзе В.В., Мепишавили Р.С., Рчеулишвили Л.Д., Шмерлинг Р.О.* Церковь Метехи в Тбилиси. Тбилиси: Мецниереба, 1969 (на груз. яз.).

⁴⁰ О нем см.: *Мчедлидзе П.* История монастыря Гударехи // *Мравалтави*. 1986. Т. 13. С. 53–63 (на груз. яз.).

в монастыре Сапара (архитектор Паресисдзе) и Успения в монастыре Зарзма⁴¹, построенные по заказу правителя Самцхе Беки I Джакели (1285–1306), явно ориентируются на постройки царицы Тамар как в типе вписанного креста с изолированными восточными ячейками и не выраженными снаружи апсидами, так и в рельефной декорации фасадов. Именно такой тип храма и станет основным для Восточной и Южной Грузии и отчасти Мегрелии (собор в Бедиа). Итак, мы видим в церковном зодчестве Грузии конца XIII – начала XIV в. две параллельные тенденции: воспроизведение образцов эпохи последнего расцвета начала XIII в. (заказы Беки Джакели) и оригинальный поиск, основанный на соединении разнородных и разновременных архитектурных форм (храм Метехи).

Ситуация с возобновлением монументального строительства на Руси⁴² имеет как сходства, так и отличия в сравнении с поздневизантийскими государствами. Перерыв в возведении каменных храмов наступает здесь позже (как и в Грузии): еще в 1230-е гг. монументальное строительство продолжается во Владимиро-Суздальской Руси, Новгороде, Черниговской земле и Галицкой Руси. Впрочем, и возрождение каменного строительства после монгольского нашествия в этих регионах начинается позднее – в 1280-е гг., кроме Галицкого княжества, где оно прерывалось ненадолго, а также Киева и Чернигова, где оно так и не возобновилось.

Юго-Западная Русь. Первая точно датированная послемонгольская каменная церковь (а не ремонт более ранней⁴³) – храм Богородицы в Холме, построенный Даниилом Галицким после пожара 1259 г.⁴⁴ Из летописей мы знаем о строительстве церкви его братом

⁴¹ О них см.: *Беридзе В.* Памятники архитектуры Самцхе. Тбилиси, 1970: Мецниереба. С. 18–33, 93–112 (на груз. яз.).

⁴² Общий его обзор см. в: *Антипов И.В.* Древнерусская архитектура в первое столетие после монголо-татарского нашествия // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 355–366.

⁴³ Реконструкция пола Свв. Бориса и Глеба в Кидекше в 1239 г., некое обновление Свв. Бориса и Глеба в Ростове в 1253 г., восстановление северной стены Св. Софии Новгородской после 1275 г. и устройство новой кровли в Успенских соборах Владимира-на-Клязьме и Ростова (в последнем – также и пола) в 1280 г. См.: там же. С. 357–359.

⁴⁴ О ней см.: *Od cerkwi katedralnej króla Daniela Romanowicza do bazyliki pw. Narodzenia NMP w Chełmie: wyniki badań interdyscyplinarnych sezonu 2013–2014 / Red. A. Buko, S. Gołub.* Chełm: Muzeum Ziemi Chełmskiej im. Wiktora Ambroziewicza w Chełmie, 2016.

Васильком (Св. Михаил во Владимире-Волынском, до 1268 г.), сыном Мстиславом (Свв. Иоаким и Анна во Владимире-Волынском, 1291 г.) и племянником Владимиром Васильковичем (Благовещение в Каменце, Св. Петр в Берестье и Св. Георгий в Любомле, все между 1276 и 1289 г.). Почти все раскопанные галицко-волынские храмы второй половины XIII в. (в Холме, в Любомле и, вероятно, чуть более поздний Св. Димитрий в Луцке⁴⁵) имеют план, типичный для русского домонгольского зодчества – это вписанные кресты простого извода на четырех столпах. Неясным остается только происхождение прямоугольных алтарей со скруглением углов в Холме, которые находят аналогии как на Западе, так и в смоленском храме «на Протоке» и Пречищенской церкви в Гродно XII в.

Однако построены эти церкви на известково-песчаном растворе из брускового кирпича, в том числе лекального и пережженного, которые характерны для готической архитектуры, что указывает на приход западных мастеров, вероятно, из соседней Польши. План построенной в традиции домонгольского белокаменного зодчества церкви Св. Николая во Львове второй половины XIII в. (?) имеет форму квадратного ядра, окруженного апсидой, приделами и нартексом в виде креста и находит параллели не в русском домонгольском зодчестве, а в архитектуре Центральной Европы или, менее вероятно, Балкан⁴⁶. Уже полностью архитектуре соседней Польши (кроме типа раствора) следует церковь арх. Михаила в Владимире-Волынском⁴⁷ (илл. 9), представляющая собой колонную ротонду с тремя вписанными в толщу стены апсидами, а также соседний октаконх Васильевской церкви (до 1294 г.)⁴⁸. Таким образом, ориентируясь отчасти (в области типологии) на домонгольскую архитектуру региона, князья Юго-Западной Руси привлекали для строительства церквей мастеров из Польши и даже строили храмы западноевропейских типов. И это не

⁴⁵ О них см.: Антипов И.В. Архитектура Волынского княжества 1250–1330-х годов // Искусство Древней Руси и его исследователи / Под ред. Вал. А. Булкина (Вопросы отечественного и зарубежного искусства; 6). СПб.: Издательство СПбГУ, 2002. С. 5–21; Иоаннисян О.М. Архитектура Юго-Западной и Западной Руси // История русского искусства. Т. 4. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 39–41.

⁴⁶ См.: там же. С. 23–27.

⁴⁷ Антипов И.В. Архитектура Волынского княжества... С. 5–7.

⁴⁸ О ней см.: Иоаннисян О.М. Архитектура Юго-Западной и Западной Руси. С. 43–45.

покажется удивительным, если мы вспомним, что тот же Даниил был вначале вассалом венгерского короля, а затем, в 1253 г., получил собственную корону от Римского папы.

Северо-Западная Русь. Первый точно датированный послемонгольский каменный храм в Новгородской земле – Св. Никола на Липне, заложенный архиепископом Климентом в 1292 г.⁴⁹ Общеизвестно, что в своей планировке и конструкции этот храм типа вписанного креста простого извода ориентируется на соседнюю церковь Рождества Богородицы на Перыни первой половины XIII в. (илл. 10а–б), чей архитектурный тип, в свою очередь, появился под влиянием смоленских мастеров, построивших в 1207 г. Св. Параскеву на новгородском Торгу⁵⁰. Вертикализм пропорций, трехлопастное завершение фасадов и одна выраженная снаружи апсида смоленской школы были соединены в перыньском храме с местной лаконичностью фасадной декорации – возможно, сумма этих достоинств и послужила причиной выбора образца для липненской церкви.

Однако здесь следует учитывать длительный, возможно, даже полувековой перерыв в каменном строительстве: показательно, что важную каменную церковь Свв. Бориса и Глеба, пострадавшую от пожара еще в 1262 г., смогли отремонтировать только в 1302–1305 гг.⁵¹ Это привело к необходимости приглашения на Липну мастеров из Северной Европы, принесших с собой новации в области конструкции (сомкнутые своды), строительной техники (кладка из брускового кирпича на известково-песчаном растворе) и фасадной декорации (ползучая аркатура под карнизом). Приглашение высококвалифицированных мастеров каменного строительства, которых, очевидно, не было в Новгороде, ясно отражает картину тесных торговых связей города с миром Балтики.

⁴⁹ О ней см.: *Антипов И.В.* Архитектура Новгорода и Пскова второй половины XIII – середины XIV века (1240–1350-е годы) // *История русского искусства.* Т. 4. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 86–93; *Царевская Т.Ю.* Церковь Николая на Липне. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020.

⁵⁰ См.: *Седов Вл.В.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // *Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства.* М.: Северный паломник, 2009. С. 29–54.

⁵¹ Никакого ее восстановления после пожара не фиксируется (см.: *Антипов И.В.* Архитектура Новгорода и Пскова... С. 82, 96).

Параллельно, в 1292–1294 гг., в самом Новгороде строится храм Св. Феодора на Щирковой улице⁵² (сохранились стены высотой до 3 м), воспроизводящий план разрушившейся церкви конца XII в. Попытку обратиться к другому домонгольскому варианту вписанного креста, с лопатками на фасадах и, вероятно, позакомарным завершением, можно увидеть и в построенной следующим архиепископом Феоктистом в 1300–1302 гг. и частично сохранившейся церкви арх. Михаила на Торгу⁵³. Но характерно, что в обоих храмах применены брусковый кирпич и известково-песчаный раствор, как на Липне⁵⁴, а в церкви арх. Михаила апсида уже одна. Именно новый, «липненский» тип храма и станет базовым для новгородского зодчества XIV в.⁵⁵, которое при рецепции новой строительной техники и декорации западного происхождения в общем облике храмов осталось ориентировано на местный образец начала XIII в.

Аналогичное подражание домонгольскому образцу мы видим и при возобновлении монументального церковного строительства в Пскове. Первый его послемонгольский каменный храм – собор Снеготорского монастыря 1310–1311 гг.⁵⁶, ориентируется и в конструкции (включая даже размеры), и в архитектурном декоре на древний местный образец, причем также монастырский, – собор Мирожской обители 1130–1140-х гг. Однако и в Снеготорах (наряду с другими изменениями образца) проявились элементы западного влияния, в частности в «готическом» декоре барабана. Впрочем, позднее в Псковской земле также возобладала «липненская» парадигма церковного здания.

Северо-Восточная Русь. Тверь и Москва. Напротив, никаких западных влияний не ощущается в архитектуре расположенных

⁵² О нем см.: там же. С. 92–93. А.А. Гиппиус предположил, что внезапная закладка сразу двух каменных церквей в Новгороде в 1292 г. могла отмечать наступление 6800 г. от сотворения мира (Gippius A. Millennialism and the Jubilee Tradition in the Early Rus' History and Historiography // Ruthenica. 2003. Т. 2. С. 163).

⁵³ О нем см.: Антипов И.В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV века. Каталог памятников. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. С. 64–67.

⁵⁴ Облик надвратной церкви Воскресения в детинце, также построенной Климентом в 1296 г., неизвестен; см.: там же. С. 60.

⁵⁵ См.: Антипов И.В. Архитектура Новгорода и Пскова... С. 96–101.

⁵⁶ О нем см.: там же. С. 101–107.

восточнее русских княжеств. Впрочем, ситуация с возобновлением каменного строительства в этом регионе непроста.

Часто его связывают здесь с закладкой храма Свв. Бориса и Глеба в наименее пострадавшем от монголов Ростове⁵⁷, который Никоновская летопись датирует 1287 г. Однако нет точных доказательств того, что раскопанные остатки принадлежат именно постройке 1280-х гг., да и сама Никоновская летопись за X–XIII вв. дает большое количество неверифицируемых и просто недостоверных известий, в том числе и ростовских⁵⁸. Поэтому нельзя исключать, что раскопанные стены представляют собой нижние части церкви Свв. Бориса и Глеба 1214–1218 гг. – не выраженные снаружи боковые апсиды характерны для полоцко-смоленской архитектурной парадигмы, повлиявшей на владими́ро-суздальскую архитектуру на последнем ее домонгольском этапе. Сообщение же Лаврентьевской летописи о новом освящении церкви в 1253 г. можно связать с ее полной росписью, остатки которой вполне вписываются стилистически в искусство середины XIII в.⁵⁹

Поэтому вероятно, что первый послемонгольский храм в данном регионе появляется у новых князей – Тверских, претендовавших даже на обладание великим княжением. Первый Спасо-Преображенский собор в Твери 1285 г., открытый недавними раскопками⁶⁰, явно ориентируется на последний этап владими́ро-суздальской архитектуры домонгольской эпохи, представленный памятниками типа Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (илл. 11а–б). Это простой извод вписанного креста с тремя притворами (в том числе двухъярусными), открытыми внутрь наоса (в Твери найден только один). О той же ориентации говорит и резная белокаменная резьба тверского собора с усложненным орнаментальным декором. Плохая сохранность

⁵⁷ О нем см.: *Иоаннисян О.М.* Церковь Свв. Бориса и Глеба в Ростове Великом и зодчество Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия // *История русского искусства*. Т. 4. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 147–157.

⁵⁸ См., например: *Виноградов А.Ю., Желтов М., свящ.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 3(73). С. 118–139.

⁵⁹ См.: *Гордин А.М.* Монументальная живопись Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. Дисс. ... к. иск. СПб., 2004. С. 330–339, а также 277. Прим. 9.

⁶⁰ О нем см.: *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII – первой половины XIV в. // *История русского искусства*. Т. 4. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 160–167.

памятников тверской церковной архитектуры не позволяет установить, был ли данный тип храма сразу реципирован в этом княжестве, хотя находка резного известнякового блока при раскопках церкви Св. Феодора Тирона в устье р. Тьмаки 1323–1325 гг.⁶¹ говорит в пользу такой рецепции.

По аналогичному пути пошли и строители несколько более позднего (1326–1327) собора конкурента Твери – Москвы, посвященного Успению⁶², и, возможно, других храмов Москвы того же времени⁶³. Они воспроизвели и аркатурный пояс, и резные кронштейны колонок, типичные для позднего этапа владими́ро-суздальского зодчества. План первого Успенского собора также явно ориентирован на храмы типа Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Выбор именно такого образца для подражания в первых соборах столиц двух новых княжеств обусловлен не столько местной традицией каменного церковного зодчества (в этих городах прежде попросту отсутствовавшего), сколько попыткой подчеркнуть свое преемство архитектуре великокняжеского Владимира, откуда и происходили правившие в Твери и Москве династии, и – не в меньшей мере – претензии на титул великого князя (требовавший, среди прочего, обладания репрезентативным собором). Примечательно, однако, что образцом для подражания среди памятников владими́ро-суздальского зодчества оказываются не соборы эпохи Андрея Боголюбского или Всеволода Большое Гнездо (как позднее при Иване III), а именно храмы последнего его этапа, так же, как и в Новгороде, испытавшие влияние полоцко-смоленской парадигмы.

Итак, на Руси, как и в поздневизантийских государствах, основной тенденцией в новом храмовом строительстве становится обращение к старым локальным образцам, причем именно местной архитектурной традиции начала XIII в., оборванной монгольским нашествием, – новые церкви строят так, как будто никакого перерыва

⁶¹ О нем см.: там же. С. 167. Здесь мы оставляем за скобками необоснованно ранние датировки С.В. Заграевского (Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. М.: Алев-В, 2003), сделанные на основе исторических спекуляций: храма Рождества в Городне – 1290–1310 гг., Никольской церкви в с. Каменское – 1309–1312 гг.

⁶² О нем см.: Яковлев Д.Е. История изучения Московского Успенского собора 1327 года // Реставрация и исследования памятников культуры. 2016. Вып. 8. С. 18–34.

⁶³ Об их материалах см.: Баталов А.Л., Беляев Л.А. Зодчество Москвы и Твери... С. 168–205.

в несколько десятилетий не было. Однако внутри этого общего направления можно выделить два разных пути. В Галицко-Волынском княжестве и Новгороде, соседствовавших с государствами католического мира, местные домонгольские образцы переосмысляются в новых архитектурных, технических и художественных формах мастерами, приглашенными из этих земель, совершенно так же, как в Сербии XIII в. Напротив, в расположенных восточнее Тверском и Московском княжествах в конце XIII – начале XIV в. никакого западного влияния не прослеживается, а главным источником вдохновения становится последний этап владими́ро-суздальского зодчества домонгольской эпохи: он, как и Новгород, испытал влияние «башнеобразных» храмов полоцко-смоленской парадигмы, которая, в свою очередь, восходит к храму Спаса на Берестове, построенному, вероятно, византийскими мастерами для Владимира Мономаха.

Можно было бы увидеть в этом подражании почитание князьями-Мономахичами памяти своего родоначальника, известное, среди прочего, и в области храмоздания⁶⁴. Однако скорее главной причиной здесь было желание воспроизвести храмы эпохи расцвета Владимира-на-Клязьме, задуманного Андреем Боголюбским как «новый Константинополь», откуда князья Твери и Москвы и происходили и на чье великое княжение претендовали. Разница с Юго-Западной и Северо-Западной Русью заключается здесь в том, что образец этот был местным не в конкретном, но в общем смысле этого слова, тогда как реальные прототипы находились географически довольно далеко. В этом подражании престижному образцу, далекому, но из собственного прошлого, можно увидеть и нечто схожее с ориентацией на зодчество павшего Константинополя у некоторых правителей поздневизантийских государств, считавших себя преемниками Комнинов.

⁶⁴ Ср.: Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1926. Стб. 449.

REFERENCES

- Antipov I. *Drevnerusskaia arkhitektura vtoroi poloviny XIII – pervoi treti XVI veka. Katalog pamiatnikov [Old Russian Architecture of the Second Half of the 13th – the First Third of the 14th Century. Catalogue of Monuments]*. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2000, pp. 64–67 (in Russian).
- Antipov I. “Arhitektura Volynskogo kniazhestva 1250–1330kh godov” [“Architecture of the Volyn Principality in the 1250s–1330s”]. In *Iskusstvo Drevnei Rusi i iego issledovateli [The Art of Old Rus' and Its Researchers]* (Voprosy otechestvennogo i zarubezhnogo iskusstva; 6), ed. by A. Bulkin. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2002, pp. 5–21 (in Russian).
- Antipov I. “Russian Architecture of the First Century after Mongol Invasion”. *Stratum plus* 5 (2016), pp. 355–366 (in Russian).
- Antipov I. “Arhitektura Novgoroda i Pskova vtoroi poloviny XIII – serediny XIV veka (1240–1350e gody)” [“The Architecture of Novgorod and Pskov of the 2nd Half of the 13th – mid 14th Centuries”]. In *Istoria Russkogo Iskusstva [History of Russian Art]*, vol. 4. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia, 2018, pp. 80–146 (in Russian).
- Ballance S. “The Byzantine Churches in Trebizond”. *Anatolian Studies* 10 (1960), pp. 141–175.
- Batalov A.L.; Belyayev L.A. “Zodchestvo Moskvyy i Tveri vtoroi poloviny XIII – pervoi poloviny XIV veka” [“The Architecture of Moscow and Tver in the Second Half of the 13th – the First Half of the 14th Centuries”]. In *Istoria Russkogo Iskusstva [History of Russian Art]*, vol. 4. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia, 2018, pp. 160–167 (in Russian).
- Beridze V. *The Architectural Monuments of Samtskhe*. Tbilisi: Metsnierba, 1970 (in Georgian).
- Beridze V.V.; Mepisashvili R.S.; Rchulishvili L.D.; Shmerling R.O. *Metekhi Church in Tbilisi*. Tbilisi: Metsnierba, 1969 (in Georgian).
- Bouras Ch. *Nea Moni on Chios*. Athens: Ekdosē Ethnikēs trapezēs tēs Ellados, 1981 (in Greek).
- Bouras Ch. “Architecture in Constantinople in the Thirteenth Century”. In *Byzantine Art in the Aftermath of the Fourth Crusade*, ed. by P.L. Vocotopoulos. Athens: Academy of Athens, 2007, pp. 105–112.
- Bryer A.; Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*, vol. 1. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Buchwald H. *Churches EA and E at Sardis* (Archaeological Exploration of Sardis Reports; 6). Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2015.
- Buko A.; Gołub. S., eds. *Od cerkwi katedralnej króla Daniela Romanowicza do bazyliki pw. Narodzenia NMP w Chełmie: wyniki badań interdyscyplinarnych sezonu 2013–2014*. Chełm: Muzeum Ziemi Chełmskiej im. Wiktora Ambroziewicza w Chełmie, 2016.
- Çağaptay S. “How Western Is It? The Palace at Nymphaion and Its Architectural Setting”. In *Proceedings of the International Sevgi Gönül Memorial Symposium on Byzantine Studies*. Istanbul: Vehbi Koç Vakfı, 2010, pp. 357–363.
- Çağaptay S. “Prousa/Bursa, a city within the city: chorography, conversion and choreography”. *Byzantine and Modern Greek Studies* 35.1 (2011), pp. 45–69.
- Cuneo P. et al. *Architettura armena*. Roma: De Luca, 1988.
- Drakopoulou E. *La ville de Kastoria pendant la période byzantine et post-byzantine (12–16^e siècle)*. Athens: Christianikē Archaiologikē Hetaireia, 1997 (in Greek).
- Eastmond A. *Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond*. Aldershot: Ashgate, 2004.
- Eyice S. “Die byzantinische Kirche in der Nähe des Yenişehir-Tores zu İznik (=Nikaia)”. *Materialia Turcica* 7–8 (1981–1982), pp. 152–167.
- Eyice S. “Remarques sur deux anciennes églises Byzantines d’Istanbul: Koca Mustafa Paşa camii et l’église de Yuşa tepesi”. In *Pepragmena tou 9 Diethnous Byzantinologikou Synedriou*. Athens: Myrtidi, 1955, pp. 184–190.
- Giakoumis K.; Karaiskaj G. “New Architectural and Epigraphic Data on the Site and Catholicon of the Monastery of St. Nikolaos at Mesopotam (Southern Albania)”. *Monumentet* 1 (2004), pp. 81–95.
- Gippius A. “Millennialism and the Jubilee Tradition in the Early Rus’ History and Historiography”. *Ruthenica* 2 (2003), pp. 154–171.

Gordin A.M. *Monumental'naiia zhivopis' Severo-Vostochnoi Rusi XII–XIII vekov*. [The Murals of North-Eastern Russia in the 12th–13th Centuries]. Diss. Saint-Petersburg: Sanct-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet, 2004 (in Russian).

Iakobson A.L. *Zakonomernosti v razvitiu srednevekovoi arkhitektury IX–XV vekov. Vizantiia. Gretsii. Iuzhnoslavianskie strany. Rus'. Zakavkaz'e* [Patterns in the Development of Medieval Architecture of the 9th–15th Centuries. Byzantium. Greece. South Slavic Countries. Rus'. Transcaucasia]. Leningrad: Nauka, 1987 (in Russian).

Ioannisyan O.M. "Arkhitektura Yugo-Zapadnoi i Zapadnoi Rusi" ["The Architecture of Southwestern and Western Russia"]. In *Istoria Russkogo Iskusstva* [History of Russian Art], vol. 4. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskussvoznaniya, 2018, pp. 18–79 (in Russian).

Ioannisyan O.M. "Tserkov' Sviatykh Borisa i Gleba v Rostove Velikom i zodchestvo Svero-Vostochnoi Rusi posle mongolskogo nashestviia" ["The Church of Sts. Boris and Gleb in Rostov Veliky and the architecture of North-Eastern Russia after the Mongol invasion"]. In *Istoria Russkogo Iskusstva* [History of Russian Art], vol. 4. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskussvoznaniia, 2018, pp. 147–157 (in Russian).

Kaponis N. *The Naodomic Architecture of the Despotate of Epirus, in the Era of the Dynasty of Comnenoi Angeloi (1204–1318)*. Diss. Vol. 1–2. Agrino: University of Ioannina, 2005 (in Greek).

Kidonopoulos V. *Bauten in Konstantinopel 1204–1328* (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik; 1). Wiesbaden: Reichert, 1994.

Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. 4th ed., revised by R. Krautheimer; S. Čurčić. London: Penguin Books, 1986.

Küpper H.M. *Bautypus und Genesis der griechischen Dachtranseptkirche*. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.

Lohmann H.; Kalaitzoglou G.; Lüdorf G., eds. *Forschungen in der Mykale I, 1* (Asia Minor Studien; 77). Bonn: Habelt, 2017.

Macchiarella G. "Un caso a sé: San Nicola di Mesopotam (Albania)". In *Tempi e forme dell'arte. Miscellanea di Studi offerti a Pina Belli D'Elia*. Foggia: Claudio Grenzi Editore, 2011, pp. 123–136.

Mamaloukos S. "Middle and Late Byzantine Church Architecture in the Periphery of Constantinople". In *Ērōs Ktistēs. Mnēmē Charalampou Mpoura* [Ērōs Ktistēs. In Memory of Charalampos Bouras]. Athens: Melissa, 2018, pp. 97–124.

Mango C. *Byzantine Architecture*. Milano: Electa, 1974.

Marinis V. *The Monastery Tou Libos: Architecture, Sculpture, and Liturgical Planning in Middle and Late Byzantine Constantinople*. Diss. Urbana-Champaign: University of Illinois at Urbana-Champaign, 2004.

Mchedlidze P. "The History of Gudarekhi Monastery". *Mravaltavi* 13 (1986), pp. 53–63 (in Georgian).

Mercangöz Z.; Tok E. "Kuşadası Kadıkalesi 2010 Kazı Sezonu Çalışmaları". In *33. Kazı Sonuçları Toplantıları*, vol. 2. Ankara: Kültür Varlıkları ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 2011, pp. 353–363.

Möllers S. *Die Hagia Sophia in Iznik/Nikaia*. Alfter: Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften, 1994.

Otten T. "Das byzantinische Pergamon – ein Überblick zu Forschungsstand und Quellenlage". In *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 2,2*. Mainz: Römisch-Germanische Zentralmuseum, 2010, pp. 809–830.

Ousterhout R. *Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Özgümüş F.; Yavuz E. "Trabzon'daki Öteki Roma İmparatorluğu Sanatı Panagia Chrysokephalos Kilisesi (Ortahisar Camii) Restorasyon Çalışması". *Vakıf Restorasyon Yılığ* 21 (2020), pp. 40–67.

Peschlow U. "Neue Beobachtungen zur Architektur und Ausstattung der Koimesiskirche in Iznik". *Istanbuler Mitteilungen* 22 (1972), pp. 145–187.

Peschlow U. "The Churches of Nicaea-Iznik". In *Iznik throughout History*. Istanbul: Türkiye Bankası, 2003, pp. 201–218.

Peschlow U. "Mount Latmos". In *The Archaeology of Byzantine Anatolia: From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks*, ed. by Ph. Niewöhner. Oxford: Oxford University Press, 2017, pp. 264–268.

Peschlow-Bindokat A.; Peschlow U. *Der Latmos: Eine unbekannte Gebirgslandschaft*. Mainz: Philipp von Zabern, 1996.

Rappoport P.A. “O deiatel’nosti vizantiiskikh zodchikh na Rusi v XI veke” [“On the Activities of Byzantine Architects in Russia in the 11th Century”]. In *Pamiatniki srednevekovoi kultury. Otkrytiia i versii*. Saint-Petersburg: Art-contact, 1994, pp. 197–205 (in Russian).

Rheidt K. “Boğazköy und Pergamon. Zur byzantinischen Klosterarchitektur in Kleinasien”. *Istanbuler Mitteilungen* 43 (1993), pp. 479–485.

Sedov V.V. “Tserkov’ Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni: novgorodskii variant bashneobraznogo khrama” [“Church of the Nativity of the Mother of God: the Novgorodian Version of a Tower-Shaped Church”]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Ideia i obraz. Opyt izucheniia vizantiiskogo i novgorodskogo iskusstva* [Russian Medieval Art. Idea and Image. Essay on the Study of Byzantine and Novgorod Art]. Moscow: Severny palomnik, 2009, pp. 29–54 (in Russian).

Sinos S., ed. *The Monuments of Mystras*. Athens: Ypourgeio Politismou, 2009 (in Greek).

Theis L. *Die Architektur der Kirche der Panagia Paregetissa in Arta/Epirus*. Vol. 1–2. Amsterdam: Hakkert, 1991.

Tsarevskaya T.Iu. *Tserkov’ Nikoloy na Lipne* [St. Nicholas’ Church on Lipno]. Veliky Novgorod: Novgorod State Integrated Museum-Reserve, 2020.

Velenis G. “Thirteenth-Century Architecture in the Despotate of Epirus: The origins of the School”. In *Studenica et l’art byzantin autour de l’année 1200 : à l’occasion de la célébration de 800 ans du monastère de Studenica et de centième anniversaire de l’Académie serbe des sciences et des arts, September [i.e. septembre] 1986 : reçu à la IV séance de la Classe des sciences historiques le 29 avril 1987* (SASA Scientific Works; 41; Section of Historical Sciences; 11). Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1988, pp. 279–285.

Vinogradov A. “Proishozhdenie i evoliutsiia ‘kupolnogo zala’ ” [“Origin and Evolution of the ‘Dome Hall’ ”]. In *Vizantia v kontekste mirovoi kul’tury. Materialy konferentsii, posviashchennoi pamiatii A.V. Bank 1906–1984* [Byzantium in the Context of World Culture. Proceedings of the Conference in Memory of A.V. Bank 1906–1984] (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; 99). Saint-Petersburg: Izdatelstvo

Gosudarstvennogo Ermitazha, 2019, pp. 48–73 (in Russian).

Vinogradov A. “Segmental Apse and Semicircular Niche as Stylistic Markers in Middle Byzantine Architecture”. *Vizantiyskiy Vremennik* 104 (2020), pp. 216–242 (in Russian).

Vinogradov A.; Beletskiy D. *Tserkovnaia arkhitektura Abkhazii v epokhu Abkhazskogo tsarstva. Konets VIII–X veka* [Church Architecture of Abkhazia in the Era of the Abkhazian Kingdom. End of the 8th–10th Centuries]. Moscow: Indrik, 2015, pp. 191–203 (in Russian).

Vinogradov A.; Zheltov M. “The First Heresy in Russia: Russian Disputes of the 1160-s on the Abolition of Fasting on Holidays”. *Drevniaia Rus’. Voprosy medievistiki* 3 (2018), pp. 118–139 (in Russian).

Vinogradova E.A. “The Murals of the Empire of Nicea: Limits and Stages”. In *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*, vol. 9, ed. by A.V. Zakharova; S.V. Mal’tseva; E.Iu. Staniukovich-Denisova. Moscow: Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg: NP-Print, 2019, pp. 286–305 (in Russian).

Vokotopoulos P.L. *HĒ ekklesiastikē architektonikē eis tēn Dytikēn Sterean Hellada kai tēn Ēpeiron apo tou telous tou 7ou mechri tou telous tou 10ou aiōnos*. [Ecclesiastical Architecture in Western Central Greece and Epirus: From the End of the 7th to the End of the 10th Century]. Thessaloniki: Kentron byzantinōn ereunōn, 1992 (in Greek).

Vokotopoulos P. “Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences”. *Zograf* 27 (1998–1999), pp. 79–92.

Yakovlev D.E. “Istoriia izucheniia Moskovskogo Uspenskogo sobora 1327 goda” [“The History of Research Concerning Moscow Assumption Cathedral of 1327”]. *Restavratsiia i issledovanie Pamiatnikov Kul’tury* [Restoration and Research of the Monuments of Culture]. Issue 8. Moscow: Kolo, 2016, pp. 18–34 (in Russian).

Zavorina M.L. “The Tradition of Epirus in the Late Byzantine Architecture of North Macedonia”. In *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*, vol. 11, ed. by A.V. Zakharova; S.V. Mal’tseva; E.Iu. Staniukovich-Denisova. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2021, pp. 468–479 (in Russian).



1 а. Центральная
апсида Св. Софии
Трапезунтской

1 б. Центральная
апсида Св. Симона
Кананита в Анакопии



2 а. Восточный фасад
Св. Василия в Арте



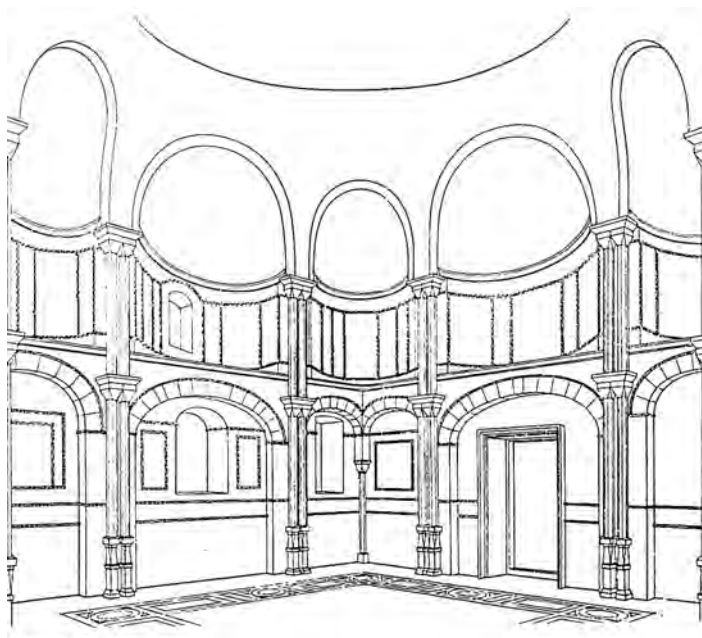
2 б. Восточный фасад
Свв. Бесребреников
в Кастории



3 а.

3 а. Панагия
Паригоритисса
в Арте. Вид на восток

3 б. Кафоликон
Неа Мони на о. Хиос.
Реконструкция
Х. Бураса



3 б.

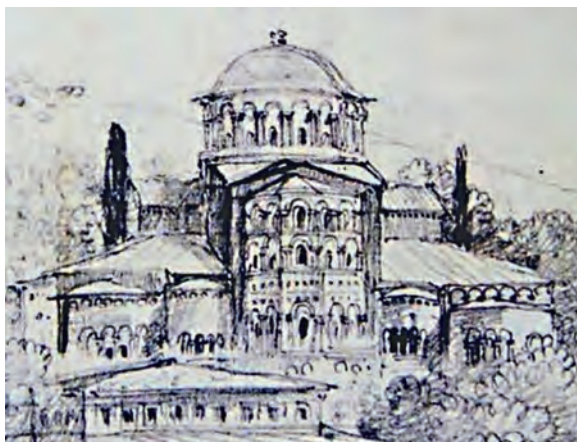


4. Восточный
фасад Митрополии
(Св. Димитрия)
в Мистре



5. Восточный
фасад храма на
о. Кавхе Асар Ада
на оз. Латмос (по
А. Пешлов-Биндокат)

6 а. Восточный
фасад Св. Иоанна
Предтечи в Пруссе.
Фрагмент рисунка
Л.-Ф. Кассаса 1786 г.

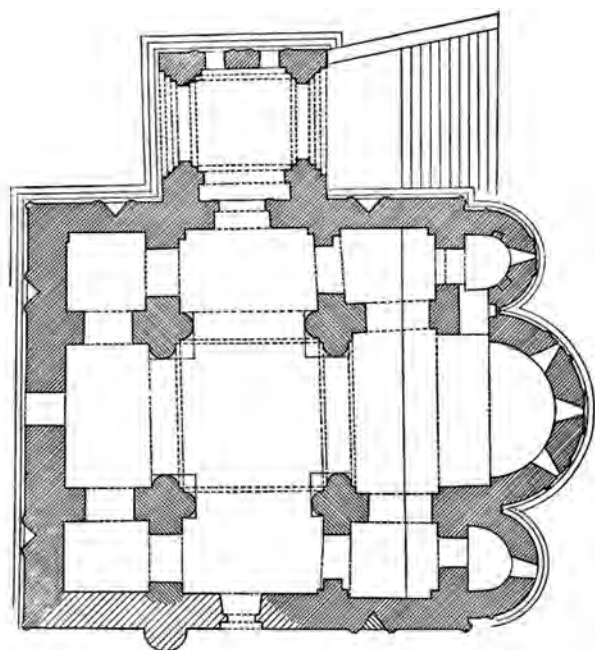


6 б. Восточный
фасад парэκκλίσια
и кафоликона
монастыря Хора
в Константинополе



7. Восточный
фасад парэκκλίσια
св. Иоанна Предтечи
и кафоликона
монастыря
Константина Липса
в Константинополе





8. Метехи
в Тбилиси. План
(по В.В. Беридзе)

9. Св. Михаил
во Владимире
Волынском. План
(по М.К. Каргеру)

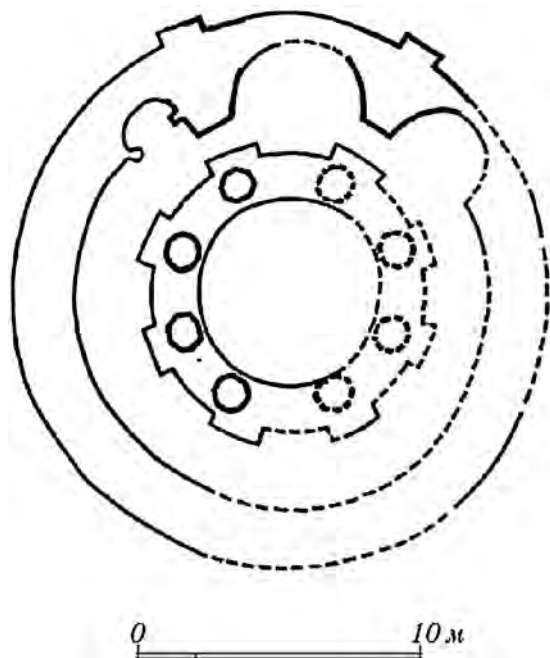
10 а. Южный
и восточный фасады
Св. Николы на Липне

10 б. Северный
и восточный
фасады Рождества
Богородицы на
Перыни

11 а. Первый Спасо-
Преображенский
собор в Твери. План
(по Л.А. Беляеву)

11 б. Георгиевский
собор в Юрьеве-
Польском. План
(по Н.Н. Воронину)

8.



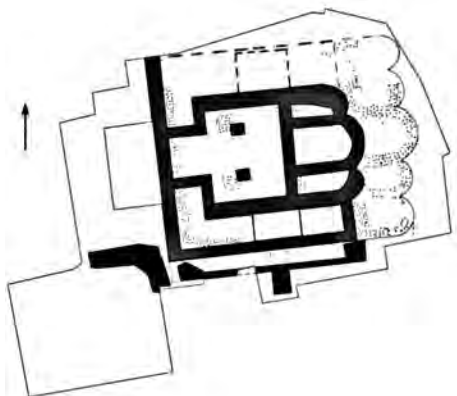
9.



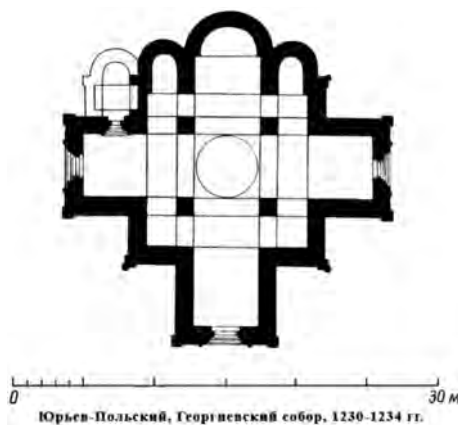
10 a.



10 б.



11 a.



11 б.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
Директор Н.В. Сиповская

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ АНДРЕЯ РУБЛЕВА
Директор М.Б. Миндлин

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ
СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ,
ЕГО ЭПОХА И ОБРАЗ В ИСКУССТВЕ

Сборник статей по материалам
международной научной конференции

Ответственные редакторы
М.А. Маханько, О.В. Овчарова

Издательская группа
М.И. Старуш (заведующий издательским
отделом ЦМиАР), Е.В. Макарова (верстка),
К.Б. Образцова, О.В. Овчарова,
А.А. Чубукова, С.И. Шаповал

Отпечатано в типографии «Август Борг»

Обложка: Фрагмент иконы «Святой Александр Невский».
Начало XX в. Н.С. Емельянов, Москва
© Галерея Ильи Глазунова. КП-5679, ДРЖ-75, ГК 13345562

© Государственный институт искусствознания, 2023

© Центральный музей древнерусской культуры
и искусства имени Андрея Рублева, 2023

© Тексты: авторы, 2023

THE STATE INSTITUTE FOR ART STUDIES

Director N. Sipovskaya

THE CENTRAL ANDREY RUBLEV MUSEUM
OF ANCIENT RUSSIAN CULTURE AND ART

Director M. Mindlin

**BETWEEN EAST AND WEST
SAINT ALEXANDER NEVSKY,
HIS TIME AND IMAGE IN ART**

Collected Papers
of International Scientific Conference

